

46 Сталин и Горький

Во множестве литературных документов, как принадлежащих перу Сталина и Горького, так и посвященных памяти гениального писателя современности, отразилось то глубочайшее уважение, то беспредельное восхищение, с которым относились друг к другу вождь и писатель, и то преклонение перед величием дел вождя, которое неизменно испытывал Горький.

История нашего века навсегда сохранит в памяти будущих поколений огромную любовь Сталина к Горькому, любовь к писателю-гуманисту, человеку и борцу, глубоко верившему в великую историческую миссию рабочего класса и неустанно звавшему к беспощадной борьбе с врагами трудового человечества.

Не случайно рядом с именами великих вождей народа — Ленина и Сталина летопись революции и народно-поэтическое сознание запечатлели имя поэтического бунтаря-протестарского революции Алексея Максимовича Горького. Эту беспримерную, глубоко человеческую дружбу отразили на своих полотнах советские художники, запечатлели резцом скульпторы. О глубокой идейной дружбе гениальных вождей и великого писателя поют акыны Киргизии, о ней слагают стихи русские, украинские и белорусские поэты.

Почти полвека тому назад на площади Горь, оцепленной войсками, по приговору суда были казнены двое крестьян, бежавшие от своих порабитителей — помещиков. В многолюдной толпе, окружавшей эшафот, был и тринадцатилетний Сосо Джугашвили — юный Сталин. Был там и молодой волжанин — Алексей Пешков, бродивший в те годы по обширным просторам Украины, Кубани, Крыма и Кавказа, знакомясь с жизнью своих будущих героев.

Сцена казни вызвала в юном Сталине

жгучую ненависть к порабитителям народа, к их безграничному произволу.

Пытливый юноша не поддавался пагубному влиянию духовных ханжей, в нем рос глубочайший протест против схоластики, царившей в училище, а после — и в семинарии.

Горький не остался безучастным к тяжелому горькому эпизоду. В рассказе «В Гори», напечатанном в «Нижегородском листке», он заклеил кровавое злодеяние царских сатрапов.

Идейная близость Сталина и Горького привела впоследствии к большой дружбе, к совместной борьбе за торжество Октября, к коллективному сотрудничеству на благо социалистической родины.

Определяя свое жизненное призвание большевика, товарищ Сталин в беседе с Эмилем Людвигом сказал:

«Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении... рабочего класса...»

Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укрепить и улучшить положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь беспредельной.

И Горький также видел «смысл жизни в службе революции». Судьбе родины он посвятил свои первые произведения. Горькое сердце Данко освещало путь народу к стране свободы («Старуха Изергиль»). Каменщик Паоло вместе с тысячами других тружеников пробуривал разделявшие людей гранитные скалы, чтобы соединиться для совместной борьбы («Сказки об Италии»). Благородный Сокол неустанно звал «к свободе, к свету» Горький Буревестник возмечал о грядущей революции. Мужественный и бесстрашный революционер Павел Власов боролся за торжество труда над капиталом («Мать»).

21 год спустя после памятного горького эпизода Ленин в одном из писем к Горькому рассказал о своем партийном соратнике, идейном сподвижнике — Писифе Виссарионовиче Сталине.

Замечательно, что Владимир Ильич общается об этом Горькому в письме, посвященном теоретической разработке национального вопроса, рекомендуя Сталина, как авторитетного теоретика в этой области:

«... Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться по-серьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем» (В. И. Ленин. «Письма Горькому». Гос. изд. поллитературы, 1939 г. стр. 46).

В 1913 году Сталин и Горький сотрудничают в большевистском органе — журнале «Просвещение», литературный отдел которого редактировал Горький. Писиф Виссарионович публикует в «Просвещении» свою классическую работу по национальному вопросу.

Общение и сотрудничество Сталина с Горьким становится еще более плодотворным в годы строительства социализма в СССР. Достаточно сослаться на такую весьма значительную коллективную работу Сталина и Горького, как «История гражданской войны», издание которой, как и многих других книг, сборников и журналов, было предпринято по инициативе Алексея Максимовича, одобренной Центральным Комитетом партии.

Лев Никулин рассказывает:

«Горький умел влюбляться в людей и любить их верной и нежной любовью. Можно сказать без тени преувеличения, именно такой глубокой и нежной любовью Горький любил Писифа Виссарионовича. С

волнением он произносил это имя, с волнением и верой он говорил о том, что сделано Сталиным для страны, для народа.

Эти чувства высокой любви и дружбы болевше чем когда-нибудь ощущались в знаменательный вечер, в присутствии Сталина. Сталин много говорил о задачах литературы, и, слушая его, Горький поглядывал на нас радостным, сияющим взглядом, точно приглашая вместе с ним радоваться справедливым и глубоко волнующим словам. Надо было видеть, с каким уважением и мягкостью и теплотой поглядывал Сталин на Горького — первого среди людей советской литературы. Конечно, такую дружбу, такое прекрасное товарищеское чувство Горького к Сталину не могли разбить никакие происки и козни. И Горький до конца дней остался верен этой дружбе». («Октябрь», 1938 г. № 6, стр. 192).

Даже находясь вдалеке друг от друга, они не переставали высказывать обоюдное внимание в письмах и телеграммах.

Разделяя тяжелую утрату Горького, постигшую его со смертью сына Максима, Писиф Виссарионович проводит наедине с Горьким часы. В воспоминаниях Натальи Макаровой читаем:

«... Когда, шатаясь, сгорбленный от горя, вышел Горький из комнаты, где лежало еще теплое тело сына — стало страшно, что он не переживет этой утраты. Максим уезжал из Горь — Горький не мог видеть его мертвым — сердце разрывалось... Тихо прошел писатель в свой кабинет. Сумрачно, тревожно было в доме. Но вдруг услышали мягкий гудок машины, подехавшей к крыльцу. В дом вошел человек в серой шинели и высокой фуражке. Долго оставался он с Горьким. И поздней ночью, когда Алексей Максимович вышел провожать Сталина, опираясь на сильную и ласковую руку его, лицо писателя было просветленным... («Рабочая Москва» 27. III 38 г.).

Заслуженный деятель науки профессор

М. П. Кончаловский в своих воспоминаниях запечатлел последнюю встречу вождя и писателя:

«Когда я в четвертый раз посетил Горького в последние, трагические дни его жизни, он задыхался, все время просил кислорода. Силы покидали Горького, падал пульс, плохо работало сердце. Алексей Максимович был непривычно ко всему безучастен. Но вот приехал вождь и учитель, человек, которого Горький нежно любил. Алексей Максимович сразу стал неузнаваем: радостью засветились глаза, проявилась энергия. Началась дружеская беседа о литературе, об издании «Истории гражданской войны».

— Больному нужен абсолютный покой. Надо, чтобы вокруг него не было лишних людей. — В этих кратких словах товарища Сталина сказало огромное внимание, любовь и забота о Горьком.

Об этом посещении Алексей Максимович вспоминал до тех пор, пока не угасло сознание.

... 20 июня 1936 года Сталин стоял в почетном карауле у гроба друга. В тот же день через Красную площадь он нес урну с прахом Горького, чтобы поставить ее в нишу Кремлевской стены рядом с прахом своих славных учеников и соратников — Кирова и Куйбышева, также злодейски вырванных из монолитных рядов большевистской партии врагами народа.

«Любовь — побеждает смерть». Это предельно лаконичное определение вождя выразило глубокий смысл, воплощенный в чудесной сказке-поэме Горького «Девушка и смерть». Оно относится не только к жизнеутверждающему творчеству величайшего писателя нашего времени, но и к самому Горькому, человеку, гражданину, борцу.

Великий гуманист мечтал о времени, которое «уничтожит человека расы, нации, класса и создаст человека человечества». Величие человека Горький сложил гимн. «Человек — это звучит гордо». «Я

ничего не хочу знать, кроме людей». Эти утверждения Горького приобрели свой истинный смысл в сталинскую эпоху — в которой «самым ценным и самым решающим капиталом являются люди» (Сталин).

Это высокое слово первым пришло на память Горькому, когда он, потрясенный вестью о смерти Ленина, взялся за перо, чтобы увековечить образ гения революции.

Первый набросок он так и назвал: **Человек.**

Все пережитое, перечувствованное Горьким в общении с великим вождем, глубоко волновало великого художника. В Сталине поражали Горького: гениальный ум, непреклонная воля, смелость, бесстрашие, твердая уверенность, изумительная прозорливость, блестящая эрудиция, колоссальные организаторские способности, ненасытная жажда знаний, огромная сила предвидения.

Вот почему Горького не оставляла мысль запечатлеть социальную жизнь своей родины и величественный образ того, кому она обязана своим возрождением и расцветом.

«Надо про Сталина написать. Трудно написать о человеке, умственно изумляющем вас, но художник не имеет права говорить: «Я изумлен, — и поэтому не могу приступить к портрету». Преклонение и восхищение — само собой, а художник — само собой. Художник должен взять кисть и писать».

Заканчивая прекрасный ленинский портрет, Алексей Максимович писал:

«Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего — умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно! Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение — значение вождя всемирного трудового народа... И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память. Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал».

Последние строки очерка о Ленине явились как бы первым наброском замечательного образа приемника Ленина — Писифа Виссарионовича Сталина. Но завершить этот замысел помешала смерть великого писателя.

Значение дружбы вождя и писателя истине огромно, как для самого Горького, так и для всей советской литературы в целом. Говорил ли Горький о прошлом, обращался ли к современности, всматривался ли в будущее, он всегда осмысливал социальные явления с партийных позиций. В вопросах государственного строительства, социалистического хозяйства, развития и становления советского искусства и литературы, стахановского движения, в спорах о детской литературе, физическом воспитании молодежи, — везде во всем многообразии нашей действительности Горький видел направляющую руку Сталина.

Эта глубоко-человечная дружба и сотрудничество двух величайших людей ярко свидетельствуют о том, что только тот художник может создать подлинно реалистическое искусство, который органически связал свою личную и творческую судьбу с народом, с коммунизмом. Дружба Сталина и Горького вдохновляет советских писателей на творческие изыскания.

Идейная дружба вождя и писателя продолжает жизнь и в заветах Горького, призывавшего народ и армию к бдительности, к боевой готовности.

Незадолго до кончины, Алексей Максимович, мысленно обращенный к судьбам родины, словно выражая свое завещание, сказал: «Будет война. Надо готовиться. Надо быть застегнутым на все пуговицы».

Этот завет писателя помнит 193-миллионный советский народ и его могучая Красная Армия, готовая по первому зову великого вождя выступить на защиту священных рубежей страны социализма.